

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Соня

Из всех героев романа Соня находится в самом безысходном положении, когда даже самоубийство — непозволительная роскошь. Но именно она одарена той духовной силой, которая помогает ей, живя во зле, пребывать в добре и нести добро другим. Дает ей эту силу вера в Бога. Под образом Бога она воспринимает мир как сияющее целое, и это единство бросает луч красоты на ее страшную жизнь. Единство мира, увиденное под образом Бога, делает и личность ее цельной, единой, а потому и сильной, сильнее, чем расколота личность кандидата в Наполеоны.

Веря в Бога, Соня верит в высшую справедливость и чудо, которые изменят ее жизнь; она верует в воскресение Лазаря, ибо без этого не будет надежды и веры в собственное воскресение. Потому-то Соня и колебалась, читать ли Евангелие Раскольникову, что это — ее заветное, ее исповедание веры, основа ее жизни, не терпящие чужого грубого прикосновения. Но и для Раскольникова это — исход, хотя пока что и немислимый. «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги». Герои романа, оставаясь конкретными людьми своего времени, превращаются в вечных евангельских персонажей, потому что «вечная книга» содержит «модель» всех многоликих ситуаций и путь их разрешения. Воскресение Лазаря — надежда и вера в собственное воскресение.

Божия правда позволяет Сонечке, не понимающей ни идей Раскольникова, ни его побуждений, всем своим существом знать их глубокую бесчеловечность и преступность: «Это человек-то вошь!»; «Убивать? Убивать-то право имеете?» Без Бога, по Сониному убеждению, человек утрачивает себя. Потому она и призывает Раскольникова стать на перекрестке, целовать оскверненную им землю, поклониться на все четыре стороны и покаяться: «Тогда Бог опять тебе жизни пошлет». Раскольников сделал по-Сониному; но побудило его к тому не искренне раскаяние, а «безысходная тоска». Но коль скоро покаяния не было, то и вся пафосная сцена завершилась фарсом, осмеянием. Раскаяние придет к Раскольникову только на каторге, после сна о трихинах и тяжелой болезни. И тогда герой сам возьмет в руки Евангелие, и промелькнет у него мысль: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...» Оговорка выразительная не потому, что Раскольников не искренен, а потому, что у героя-идеолога, теоретика не возникает Сониная нерассуждающая вера. Поэтому Соня — «надежда, но самая неосуществимая».